

СМОНА

ISSN 0131 — 6656

АЛЕКСЕЙ АТЕВ ■ ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА

РИЧАРД МАРСТЕН ■ ИСЧЕЗНУВШАЯ

НЕВЕСТА

6'94

АЛЕКСЕЙ АТЕВ ■ ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА
РИЧАРД МАРСТЕН ■ ИСЧЕЗНУВШАЯ НЕВЕСТА
СМОНА

6'94

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 22.03.94.
Подписано к печати 13.04.94.
Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Газетная». Печать офсет-
ная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 175 300 экз. Заказ № 1379.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14,
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы,
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации. Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-
ращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

6 (1556) ИЮНЬ

© Издательство «Пресса»
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

На нашей
обложке:
ПАВЕЛ ФЕДОТОВ.
Портрет
Н. П. Жданович
в детстве.
(Читайте
стр. 120.)

Проза

20

АЛЕКСЕЙ АТЕЕВ. ЗАГАДКА СТАРОГО КЛАДБИЩА
Мистическая повесть

80

СКОТТ ФИТЦДЖЕРАЛЬД. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
Рассказ

212

РИЧАРД МАРСТЕН. ИСЧЕЗНУВШАЯ НЕВЕСТА
Детектив

Поэзия

17

ТАТЬЯНА БЫЧКОВСКАЯ, ВАЛЕРИЙ МИТРОХИН

Человек и общество

4

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. ВЯЗНИКОВСКИЕ СОБИРАТЕЛИ

91

«ГЕРМЕС» ГАРАНТИРУЕТ

94

АЛЕКСЕЙ КАРЕТНИКОВ. «МУЖИК» И «БАРИН»
Прокофий Акифьевич Демидов и Федор Иоанович Толстой

156

СЕРГЕЙ МАШИН. С МЕТЛОЙ И В КАМЗОЛЕ

170

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ. НОСТРАДАМУС

Культура, музыка, искусство

68

СТЕРЖНЕВОЙ КАДР
Фотовернисаж СЕРГЕЯ ПЕТРУХИНА

120

АЛЕКСАНДР БЕНУА. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ
В XIX ВЕКЕ

СКОТТ ФИТЦДЖЕРАЛЬД
Рисунок АЛЕКСАНДРЫ ТУРЕЦКОЙ

ДЕНЬ

РОЖДЕСТВА

Когда Джон Эндрос чувствовал, что стареет, он находил утешение в мысли о том, что его жизнь продолжается в ребенке. Мрачные трубы вечного забвения гремели тише, приглушаемые деловитым топаньем дочурки или ее голоском, лепечущим в телефонную трубку невразумительные глупости. Последнее случалось ежедневно в три часа дня — жена звонила ему на службу, и эти звонки стали для него самыми радостными минутами рабочего дня.

Джон не был стар физически, но прожитая жизнь вспоминалась ему как бесконечное преодоление крутых холмов, и к тридцати восьми, одолев все болезни и нищету, он вдруг выдохся и уже не связывал с будущим особо радужных надежд. Даже любовь его к малышке была неполной.

Ее появление на свет надолго оборвало довольно частые в прошлом минуты близости с женой, и еще она оказалась главной причиной теперешней их жизни в пригороде, где за здоровый деревенский воздух приходилось расплачиваться извечными неприятностями и изнурительной каруселью ежедневных электричек.

К дочке Джона притягивала главным образом ее неистощимая энергия, наводившая на мысль о вечной юности. Он любил сажать малышку на колени, всматриваться в голубые глазки и торопливо гладить шишковатую хрупкую головку. Одарив дочку такой достаточной, по его мнению, лаской, Джон очень радовался, когда нянька забирала ее и относила в детскую. Его терпения хватало, в общем, минут на десять, потом эта бьющая через край энергия начинала раздражать, и как-то в воскресенье, когда Эд припрятала пикового туза, чем сорвала партию бриджа, он закатил такую дикую сцену, что довел жену до слез.

Этой бессмысленной злости Джон потом очень стыдился и внушал себе, что нельзя требовать от Эд, чтобы она проводила свои домашние часы в детской, поскольку, по ее словам, ребенок с каждым днем все больше превращается в «самостоятельную личность».

Маленькой Эдит было уже два с половиной, и сегодня ее пригласили на день рождения. Большая Эдит позвонила мужу на службу, и маленькая Эдит подтвердила сообщение, пронзительно завизжав в не подготовленное к такому подвоху левое ухо Джона: «...Иду на аааждение!»

— Забежишь к Марки прямо с поезда, ладно, милый? Эд будет просто прелесть в новом розовом платьеце.

Беседа завершилась ужасающим треском, означавшим, что телефон бесцеремонно швырнули на пол. Джон расхохотался и решил выбраться со службы пораньше. Перспектива детского праздника в чужом доме приятно щекотала нервы.

«С этими днями рожденья хлопот не оберешься, — думал он. — Соберется дюжина мамаш, и каждая будет глазеть только на своего беби. Детки начнут крушить все, что подвернется под руку, а потом навалятся на торт и будут таскать его руками, и каждая мамочка уйдет домой осчастливленная тем, что ее беби так выгодно отличается от других».

Настроение было хорошее, жизнь потихоньку выправлялась.

Сойдя на своей станции, Джон кивком головы отказал назойливому таксисту и побрел на холм пешком.

Одолев кирпичные ступеньки, он различил внутри дома голоса и обрадовался, что опоздал. Но тут же насторожился: возбужденные и громкие голоса никак не могли быть детскими. Ругались по меньшей мере трое, и по одному из этих голосов, перешедшему, по мере того как он вслушивался, в истерическое рыдание, он сразу опознал голос своей жены.

«Что-нибудь с Эд!» — мгновенно подумал Джон.

Их пригласили к половине пятого, но Эдит Эндрос, хитро рассудив, что новое платье произведет гораздо больший фурор на фоне уже потрепанных нарядов, пришла со своей дочкой в пять. Их глазам предстал праздник в полном разгаре. Четыре крошечные девчурки и девять таких же мальчуганов — умытые, причесанные и разряженные со всем старанием ревностного и гордого материнского сердца — топтались под музыку проигрывателя. Плясали, собственно, два-три малыша, но так как остальные ни минуты не стояли на месте, а то и дело подбегали к мамашам и, поощряемые ими, снова устремлялись в круг, то казалось, что танцуют все тринадцать.

Появление Эдит и ее дочки гости отметили нестройным хором возгласов, в которых явственно можно было разобрать: «...премиленькая, очаровательная!» Маленькая Эдит, в адрес которой эти слова предназначались, стояла, растерянно озираясь и теребя пальчиками краешки розового платица. Эдит не поцеловали — в наш век санитарии и гигиены! — ее просто пропустили из рук в руки по целому ряду мамаш, каждая из которых обязательно восклицала: «Премиленькая!» — и считала своим долгом поддержать девочку за розовую ручку, прежде чем передать ее дальше. Разделавшись с этими объятиями и восторженными возгласами, Эд немедленно пустилась в пляс и, таким образом, приняла самое активное участие в празднике.

Большая Эдит стояла возле двери и разговаривала с миссис Марки, не выпуская из виду крошечной фигурки в розовом. Она не выносила миссис Марки и считала ее вульгарной выскочкой, но Джон и Джо Марки ездили на работу одной электричкой и были в приятельских отношениях, поэтому обе женщины разыгрывали видимость теплой дружбы. Каждая постоянно упрекала другую, что та «никогда не заходит», и при встречах обе обязательно вспоминали, что надо бы им непременно пообедать вместе, а потом сходить на какую-нибудь пьесу. Но дальше этих планов дело, слава Богу, не шло.

— Ваша Эд такая миленькая, — говорила миссис Марки, улыбаясь и облизывая губы. — И такая взрослая, просто не верится...

Эдит благодарно улыбалась и думала, что она, по-видимому, имеет в виду своего Билли, который, будучи на семь месяцев младше Эд, весит на пять фунтов больше. Приняв от хозяйки чашку чая, она устроилась на диване с двумя молодыми мамашами, и началось долгожданное занятие этого дня — обязательные повествования о последних шалостях и подвигах малышей.

Так прошел час. Танцы наскучили детям, и они решили

заняться более серьезным делом: высыпали в столовую и принялись носиться вокруг стола, потом добрались до кухонной двери и облепили ее, но дверь была спасена экспедиционным войском мамаш. Оказавшись в их окружении, малыши тут же его прорвали и предприняли новый бросок в столовую, где опять повисли на уже знакомой двери. В разговорах мамаш все чаще стала повторяться фраза: «Как здесь жарко!» — и тогда все крошечные белесые брови стали вытираться белоснежными платочками. Попытались было усадить детей на колени, но они пронзительно кричали: «На пол! На пол!» — соскальзывали с колен, вырывались из рук и снова устремлялись к волшебной кухонной двери.

Эта фаза праздника завершилась одновременно с подачей угощений — огромного торта с двумя свечками и блюдец с ванильным мороженым. Билли Марки — жизнерадостный рыжеволосый крепыш с кривоватыми ножками — задул свечки и умело ковырнул большим пальцем сахарную изморозь на торте. Торт разделили на порции, и малыши жадно на него набросились, впрочем, дело обошлось без ссор. Дети вообще вели себя удивительно хорошо на этом дне рождения. Это были современные малыши, их кормили и укладывали спать строго по расписанию, поэтому характеры у них были покладистые, а лица — пышущие здоровьем; лет тридцать назад такой благопристойный праздник был бы просто немыслим.

После сладкого детей стали развозить по домам. Эдит с беспокойством взглянула на часы — время близилось к шести, а Джон все не шел. Ей хотелось, чтобы он посмотрел, как держится Эд в компании других малышей, чтобы он своими глазами убедился, какая у них серьезная, уменькая и вежливая дочка.

— Милочка ты моя, — умиленно шептала она дочке, порывисто прижимая ее к коленям. — Ты ведь знаешь, что ты милочка? Знаешь?

— Гав-гав, — произнесла вдруг Эд и рассмеялась.

— Гав-гав? — всполошилась Эдит. — Я не вижу здесь гав-гав.

— Гав-гав, — твердила Эд. — Хочу гав-гав.

Эдит проследила, куда показывает крошечный пальчик, и сказала:

— Но ведь это не гав-гав, милочка, это ме-две-жо-нок.

— Медвежонок?

— Ну да, медвежонок Билли Марки. Ты ведь не хочешь забрать у Билли медвежонок?

Оказалось, что Эд именно этого и хочет. Она вырвалась из материнских объятий, приблизилась к Билли, крепко державшему свою игрушку, и устала на него голубыми непроницаемыми глазками. Билли рассмеялся.

Эдит опять посмотрела на часы, теперь уже с явным нетерпением.

Праздник кончался. Если не считать Эд и Билли, в доме оставались двое малышей, причем один остался только потому, что спрятался под столом. «Какой же Джон эгоист, что не пришел посмотреть на дочку, — злилась Эдит. — Как он все же мало ею гордится. У других отцов нашлось время, по меньшей мере четверо пришли за своими женами и детьми».

Невеселые мысли Эдит прервал густой рев. Эд все-таки выбрала момент и завладела медвежонком Билли, рванув его из рук хозяина. Когда же тот захотел вернуть свою собственность, Эд без труда повалила его на пол.

— Разве можно так делать, Эд! — вскричала Эдит, подавив желанье расхохотаться.

К Билли приблизился Джо Марки, красивый широкоплечий мужчина лет тридцати пяти. Он поднял сына и поставил его на ноги.

— Тоже мне парень называется, — весело заметил Джо. — С девчонкой не мог справиться. Тоже мне парень.

— Он не набил шишку? — встревоженно осведомилась миссис Марки, только что отделившаяся от последних гостей и вернувшаяся из колла.

— Не-е-ет, — протянул Марки. — Шишку он не набил, правда, Билли? Просто ему обидно, что его повалила девчонка.

Билли уже настолько забыл про свой ушиб, что опять стал пытаться вернуть медвежонка. Он схватил его за лапу, торчащую из-под руки Эд, крепко прижимавшей свою добычу, и потянул к себе.

— Нет, — выразительно сказала Эд.

Вдруг она положила медвежонка на пол, уперлась руками в плечи Билла и рывком повалила его.

На этот раз Билл упал менее удачно и стукнулся головой об пол в том месте, где кончался ковер, после чего помедлил, набрал побольше воздуха и заорал как зарезанный.

Началось общее смятение. Марки с криком поспешил к сыну, но его опередила жена. Она подбежала к кричащему мальшу и схватила его на руки.

— Боже мой, Билли! Какая ужасная шишка! Эту девчонку надо просто выпороть!

Эдит, бросившаяся к дочке, услышала последнюю реплику и сжала губы, чтобы не сказать чего лишнего.

— Зачем ты это сделала, Эд? — укоризненно шептала она. — Какая же ты плохая девочка!

Эд вдруг вскинула голову и рассмеялась. Это был смех победительницы, в котором слышались нотки вызова и презрения. Но, к несчастью, он оказался заразительным. Не успев даже осознать всю деликатность ситуации, Эдит расхохоталась сама, и ее смех был удивительно похож на смех дочки. Наконец она опомнилась и прикрыла рот рукой.

Лицо миссис Марки стало красным от злости и бешенства, а сам Марки, щупавший затылок сына, бросил на Эдит хмурый взгляд.

— Шишка здоровенная, — сказал он с нотой упрека в голосе. — Пойду поищу примочку.

Миссис Марки уже не владела собой.

— Не вижу ничего смешного в том, что ребенок ушибся, — выдавила она дрожащим от гнева голосом.

Эд тем временем с любопытством смотрела на мать. Она отметила ее реакцию на свой смех, и ей захотелось убедиться, всегда ли такие поступки будут восприниматься одобительно.

Воспользовавшись паузой в разговоре взрослых, девочка опять вскинула голову и рассмеялась.

Эту новую вспышку веселья у дочки Эдит встретила тем, что прижала ко рту платок и разразилась неудержимым, явно истерическим хохотом, впрочем, это была даже не истерика. У Эдит возникло странное чувство единства с дочкой, словно они вдвоем смеялись над своими недругами в их стане.

Марки искал наверху в ванной примочку, а жена его бегала по комнате, укачивая ревушего мальчика.

— Прошу вас уйти домой! — наконец не выдержала она. — Ребенок ушибся Бог знает как сильно, и если у вас недостает такта вести себя прилично, то лучше уходите домой!

— Прекрасно! — вскричала Эдит. — В жизни не видела, чтобы люди поднимали столько шума из-за...

— Убирайтесь! — в бешенстве крикнула миссис Марки. — Вот перед вами дверь, и убирайтесь обе! Я не желаю вас больше видеть в своем доме! И вас, и ваше отродье!

Эдит уже устремилась к двери, волоча дочь за руку, но при последних словах остановилась как вкопанная:

— Не смейте называть мою дочь отродьем!

Миссис Марки не ответила, она продолжала бегать по комнате, бормоча что-то под нос себе и Билли.

Эдит расплакалась.

— Конечно, я уйду, — всхлипывала она. — В жизни не видела, чтобы люди вели себя так вульгарно. Я даже рада, что ваш жирный кретин трахнулся об пол.

Джо Марки в это время как раз спускался со второго этажа и уже на первой ступеньке лестницы расслышал ее последние слова.

— Послушайте, миссис Эндрос, — произнес он сурово. — Неужели вам не понятно, что ребенок ушибся? Не мешало бы научиться вести себя прилично!

— Прилично? — рыдающим голосом подхватила Эдит. — Это вы свою жену поучите вести себя прилично. В жизни не видела более вульгарных людей!

— Она меня оскорбляет! — вскричала миссис Марки. Теперь ее лицо просто пылало от ярости. — Слышал, что она сказала, Джо? Немедленно выведи ее вон! Если она не уйдет, возьми ее за плечи и выстави!

— Не смейте ко мне прикасаться! — взвизгнула Эдит. — Я уйду, как только разыщу мое пальто.

Ослепленная слезами, она шагнула в сторону холла. Именно в этот момент дверь распахнулась и в комнату вбежал встревоженный Джон Эндрос.

— Джон! — закричала Эдит и бросилась к нему на грудь.

— Что случилось? Послушайте, что здесь, собственно, делается?

— Они... они выгоняют меня, — рыдала Эдит. — Я не могу найти свое пальто, Джон.

— Неправда, — поспешил разуверить Марки. — Никто не собирался вас выгонять. — Он обернулся к Джону: — Никто не собирался ее выгонять. Просто она...

— Что значит «выгонять»? — потребовал объяснений Джон. — Что вы хотите этим сказать и что у вас вообще здесь делается?

— Уйдем, Джон! Уйдем! — рыдала Эдит. — Я хочу уйти. Они такие вульгарные, такие грубые люди, Джон!

Лицо Марки стало еще более мрачным.

— Послушайте, вы уже не в первый раз об этом говорите. Пора бы уже успокоиться.

— Они назвали Эд отродьем.

На лице маленькой Эдит второй раз за этот день отразилось чувство единства и опять в самый неподходящий момент. Перепуганная орудиями взрослыми, она разревелась. Казалось, что нанесенное оскорбление поразило ее до глубины души.

— Чем вы, собственно, здесь занимаетесь? Оскорбляете гостей в своем доме?

— По-моему, это ваша жена всех оскорбляет, — зло возразил Марки. — И если уж на то пошло, скандал поднялся из-за вашей дочери...

Джон презрительно хмыкнул.

— Значит, вы вдобавок оскорбляете и детей? — холодно осведомился он. — Хорошее занятие для мужчины!

— Перестань с ним разговаривать, Джон, — потребовала Эдит. — Найди мое пальто.

— Значит, ваши дела и впрямь неважные, — не унимался Джон, — если приходится срывать злость на беззащитных детях.

— В жизни бы не подумал, что можно так извратить слова! — вскрикнул Марки. — Если бы ваша жена хоть на минуту унялась...

— Замолчите! — оборвал его Джон. — Вы сейчас разговариваете не с женщиной и не с ребенком.

Воцарилось молчание. Эдит шарила руками по креслу в поисках пальто, пока миссис Марки, ни на миг не спускавшая с нее пронзительного, злого взгляда, вдруг не потеряла терпение. Она положила Билли на диван, где ребенок сразу же принял сидячее положение и перестал орать, бросилась в холл и, вернувшись, молча протянула Эдит ее пальто. Затем подошла к дивану, взяла Билли на руки и, покачивая его, опять стала бурить Эдит недобрый взглядом. Вся сцена отняла не больше минуты.

— Подумайте, какая наглость! — взорвался Марки. — Ваша жена является к нам в дом и начинает кричать, что мы, видите ли, вульгарны! Хорошо, черт побери, раз мы такие вульгарные, то и нечего к нам таскаться! Уходите отсюда немедленно!

Джон опять презрительно хмыкнул.

— Вы не только вульгарны, вы вдобавок и отъявленный хулиган, особенно когда имеете дело с беззащитными женщинами и детьми. — Он взялся за ручку двери и распахнул ее. — Пошли, Эдит!

Эдит взяла дочь на руки и вышла из комнаты. Джон презрительно покосился на Марки и собрался выйти следом за ней.

— Нет, постойте! — крикнул Марки. Он шагнул вперед, весь трясаясь от злости, и на висках его вдруг явственно проступили две здоровенные вены. — Уж не думаете ли, что вам спустят такие оскорбления?

Джон молча вышел, не затворив за собой дверь.

Плачущая Эдит пошла к дому. Убедившись, что она дошла до своей гравийной дорожки, Джон повернулся к Марки, медленно спускавшемуся по ступеням крыльца, сорвал с себя пальто и шляпу и швырнул их на дорожку.

...При первом же ударе оба грузно рухнули на землю, затем попытались встать, но опять не удержались.

Улица была пуста, и они дрались в полном молчании, если не считать их громкого и прерывистого дыхания и шлепающих звуков, когда тот или другой валился в слякоть, и это молчание еще более усугублялось загадочным мерцанием полной луны и желтым светом, исходившим из открытой двери дома. Несколько раз они валились на землю вместе, но потом выбрались на лужайку перед домом и тут разошлись врозь.

Десять, пятнадцать, двадцать минут они остервенело дрались на лужайке при лунном свете. Оба давно уже сбросили пиджаки и жилеты, молчаливо согласившись на необходимый для этого перерыв в драке, и теперь их рубашки свисали со спин драными мокрыми клочьями. Оба были избиты в кровь и уже настолько измотаны, что могли держаться на ногах, только повиснув друг на друге. Каждый очередной удар отнимал столько сил, что на четвереньках оказывались оба.

Но драка прекратилась не из-за усталости, сама бессмысленность ее еще долго заставляла бы их наносить удары. Драться они перестали потому, что, барахтаясь на земле, услышали чьи-то шаги. Они замерли, прижавшись друг к другу, словно двое мальчишек, играющих в индейцев, и лежали так, пока шаги не затихли. Тогда они с трудом поднялись на ноги и посмотрели друг на друга помутившимися, ословелыми глазами.

— Будь я проклят, если буду еще драться, — хрипло буркнул Марки.

— По-моему, тоже хватит, — сказал Джон Эндрос. — С меня, во всяком случае, достаточно.

Они опять мрачно взглянули друг на друга, словно каждый подозревал другого в желании продолжать эту драку. Марки выплюнул из разбитого рта сгусток крови, тихо ругнулся и подобрал свой пиджак и жилет.

— Хотите зайти в дом помыться? — вдруг спросил он.

— Нет, благодарю вас, — ответил Джон, тоже подбирая пиджак. — Надо двигаться домой, а то жена станет беспокоиться. — Мокрый, как губка, и истекающий потом, он туло посмотрел на свои вещи, не веря, что всего полчаса тому назад все это было на нем надето, и нерешительно пробормотал: «Спокойной ночи...»

Неожиданно для самих себя они подошли друг к другу и пожали руки. Это рукопожатие не было ни случайным, ни бессознательным, потому что рука Джона Эндроса оказалась на плече Марки, и, легонько шлепнув его по спине, он сказал:

— Кажись, все обошлось благополучно.

— Да, благополучно... А у вас тоже все в порядке?

— Да, в порядке, слава Богу.

Джон повернул в сторону своего дома и побрел, слегка прихрамывая, с одеждой, переброшенной через руку. Когда он сошел

с узкой полоски истоптанной земли и потащился через пустырь, разделявший их дома, луна светила по-прежнему ярко. Внизу, в полумиле от него, послышался нарастающий грохот семичасовой электрички.

— Да ты просто рехнулся! — взволнованно причитала Эдит. — Я, грешным делом, подумала, что ты решил вернуться к ним, чтобы уладить это дело. Вот почему спокойно пошла домой.

— Ты хотела сама все уладить?

— Вовсе нет, я не желаю их больше видеть. Но мне показалось, что ты именно это собираешься сделать.

Разговор происходил в ванной комнате. Джон с наслаждением сидел в горячей ванне, а Эдит ловко обмазывала йодом синяки на его спине и шее.

— Надо непременно вызвать доктора, — упрямо сказала она. — У тебя могут оказаться внутренние ушибы.

Джон покачал головой.

— Маловероятно. Да и потом, доктор развонит по всему городу. Тебе не кажется, что эти детские праздники довольно варварская штука?

— Хорошо, что хоть в доме оказались бифштексы.

— При чем здесь бифштексы?

— Для твоего глаза, конечно. А ведь я, представь, чуть было не заказала говядину. Попробуй скажи, что нам не повезло.

Полчаса спустя, уже одетый, если не считать воротничка, который невозможно было застегнуть на туго забинтованной шее, Джон стоял перед зеркалом и полегоньку пробовал, может ли он двигать руками и ногами.

— Надеюсь, мне станет лучше, — задумчиво произнес он. — Наверное, я все-таки старею.

— Ты хочешь сказать, что в следующий раз его поколотишь?

— Я поколотил его и в этот раз, — заявил Джон. — Или по крайней мере мы поколотили друг друга оба. И вообще следующего раза не будет. А вот тебе совершенно ни к чему называть людей вульгарными. В следующий раз, когда ввяжешься в скандал, немедленно одевайся и уходи домой. Понятно?

— Да, дорогой, — покорно ответила Эдит. — Теперь я понимаю, что вела себя очень глупо.

Уже в холле он вдруг остановился перед дверью в детскую.

— Она спит?

— Как сурок. Но ты можешь на нее посмотреть.

Они на цыпочках вошли в детскую и вместе склонились над кроватью. Эд крепко спала в прохладной полутьме, щечки ее разругались, розовые кулачки были крепко сжаты. Джон вытянул руку и осторожно погладил шелковистые локоны.

— Спит, — озадаченно пробормотал он.

— Еще бы не спать после такого дня.

— Миссис Эндрос, — донесся из холла голос цветной служанки. — Там внизу пришли мистер и миссис Марки, они хотят вас повидать. Мистер Марки просто весь исполосован, мэм. Лицо, как сырой ростбиф. А миссис Марки прямо как безумная.

— Подумайте, какое нахальство! — вспыхнула Эдит. — Сей-

час же скажи им, что нас нет дома! Ни за что на свете не спущусь к ней!

— Нет, ты ее примешь, и примешь обязательно,— тихо, но строго сказал Джон.

— Джон...

— Ты сейчас же к ней спустишься и, более того, что бы там ни говорила эта женщина, извинишься перед ней. Ну а после можешь никогда больше с ней не видаться.

— Джон, я просто не могу...

— Тебе придется к ней спуститься, Эдит. Подумай, ей было куда труднее прийти к нам сюда, чем тебе сейчас выйти к ней.

— А ты не пойдешь? Не могу же я выйти к ней одна!

— Я спущусь через минуту.

Джон подождал, пока Эдит закрывает дверь, потом наклонился над кроватью и, подхватив дочку на руки, вместе с одеялом и простыней, крепко прижал ее к себе и уселся в кресло-качалку. Эд Шевельнулась, и он затаил дыхание, но сон ее был крепок, и через минуту она уже удобно устроила головку на стипе его локтя. Джон стал осторожно опускать голову, пока щека его не коснулась светлых локонов.

— Маленькая моя!.. — шептал он. — Маленькая... маленькая...

Только теперь Джон Эндрос понял, за что он так отчаянно дрался в этот вечер. И еще несколько минут просидел он в темноте, осторожно покачиваясь в кресле.

**Перевод с английского
ЮРИЯ РАЙСКОГО.**